

не. Своим уходом они ослабили силы партизан, хотя вряд ли стоит преувеличивать потерю одного батальона и одного эскадрона для армии, насчитывавшей 12 полков, не считая трех формирующихся. Вина алейцев усугубляется тем, что ушли они в самый неподходящий момент. Правда, в своих воспоминаниях они в один голос уверяют, что ничего не знали о готовящемся наступлении колчаковцев.

Так это или не так, теперь установить трудно. Одно лишь можно сказать с уверенностью, что алейцы не уклонялись от борьбы с колчаковцами и вскоре блестяще это доказали. Настаивая на отправке экспедиционного отряда в их края, они по существу требовали расширить район действий партизанской армии, а не топтаться без конца вокруг Солонвки. Это тем более следовало сделать, что там почва для нового восстания была уже готова. Нужна была лишь искра, чтобы снова, как в августе, запылала вся алейская степь.

Так оно и случилось. Батальон алейцев за две недели вырос в дивизию. Возглавил ее Ф. И. Архипов, которого Жигалин послал вдогонку ушедшим алейцам, чтобы не дать им «разбрестись по домам».

28 ноября начальник штаба 6-й Горно-Степной дивизии И. И. Зиновьев докладывал в штаб корпуса.

«У нас уже сформировано три полка: 21-й Алейский, 22-й Приобский, 23-й Горно-Степной и формируется 24-й полк в селе Чистюньке. В данное время в нашей дивизии более 1500 винтовок, 9 пулеметов при достаточном количестве патронов. Надеемся, что в самом скором времени освободим от белых варваров весь Алтайский край».

Вскоре дивизия увеличилась до пяти полков. Но превратившись во внушительную боевую силу, «беглецы» и не помышляли о сепаратизме.

«Просим выслать нам, — писал И. И. Зиновьев, — на имя штаба 6-й Горно-Степной дивизии, стоящей в Усть-Чарышской Пристани, все постановления и законоположения штаба корпуса. Если будут замечаться неправильные действия, то просим указать на них и давать разъяснения, ибо всецело считаем себя подчиненными высшим органам, каковыми считаем облаком, которому всецело подчиняемся, а также штабу корпуса».

Дивизия освободила от колчаковцев значительный район Алтая.

5

Но вернемся к тому времени, когда 2-й, 3-й и 5-й полки после поражения под Мельниковой отступили в Солонвку. За ними двинулся 43-й полк колчаковцев.

В тот же день, когда главные силы белых покинули Мельниково, туда нагрянули 1-й и 7-й полки, возглавляемые командиром дивизии Р. П. Захаровым. Они разгромили две роты прикрытия, захватили 3 пулемета, 15 винтовок и 10 возов патронов.

Из Мельникова полки двинулись к Малышеву Логу, но, узнав по дороге, что противник оттуда ушел, свернули направо и остановились на ночевку в Долгове. Сюда в полночь к Захарову приехал крестьянин из Селиверстова и сообщил, что беляки ушли на Солонвку.

Рано утром 1-й и 7-й полки двинулись на Селиверстова. По дороге увидели: навстречу им мчатся три всадника. Это оказались посланцы командира 6-го Кулундинского полка Семена Шевченко. Он докладывал об успешном налете на Новичиху и спрашивал, что делать дальше. Захаров приказал ему прибыть в Селиверстова и ждать там.

Когда три полка собрались вместе, решено было немедленно идти на Солонвку, ударить в тыл наступающему противнику. В Солонвке шел бой. Даже до Селиверстова доносились оружейные раскаты и треск пулеметов.

Двинулись в таком порядке: 7-й полк справа, захватывая левым флангом кромку Касмалинского бора, 1-й Алейский — в центре, 6-й Кулундинский — слева.

«Было уже темно, — пишет Р. П. Захаров, — когда мы подошли к противнику на расстояние в 50—60 сажен. Мы ударили ему в тыл. Завязался бой. Затрещали ружья и пулеметы. Эхо по лесу разносило: «гу... гу... гу...»

Когда противник открыл огонь, я приказал лечь бойцам, а сам с товарищем Кожиным и товарищем Шевченко отошел от цепи сажен на 30 в тыл... Пришел Стреляев, командир 1-го батальона Алтайского полка, и сказал:

— Партизаны лежат в снегу. Снег под ними уже подтаял, некоторые замерзают. Что делать?

Я все-таки не велел поднимать бойцов, но приказал лежащим кричать «ура» и этим самым еще раз вызвать на бой противника. Приказание было отдано товарищу Стреляеву, а он в свою очередь передал приказ по цепи 6-му полку. Раздалось громкое «ура». 7-му полку это распоряжение не было передано. Это была моя непростительная ошибка. Когда бойцы закричали «ура», противник открыл адский огонь и начал косить бойцов 7-го полка. (Федор Колядо, услышав крики «ура», решил, что началась общая атака и повел на врага своих партизан. — В. Г.).

Через 15 минут ко мне прибежал ординарец Стреляева и сообщил, что Стреляева убили. По цепи передали, что Колядо ранен, а потом, что Колядо перевезен на перевязочный пункт.

Шел бой, раненых прибывало все больше и больше. Геройски

бились партизаны, однако заявили, что держаться нет мочи и нужно отступить...

Я приказал всем полкам потихоньку отходить к Селиверстову. Доехав до перевязочного пункта, спросил, здесь ли Колядо. Мне ответили, что его тут нет. Приехав в Селиверстово, обошел все дома, где помещались раненые, справляясь о Колядо. Однако его и здесь не оказалось. Так мне и не пришлось увидеть Колядо живым...»¹¹.

Так по глупой случайности, из-за недошедшей вовремя команды погиб любимец алтайских партизан Федор Колядо, а его полк понес тяжелые потери. Случилось это 15 ноября 1919 года.

Федор Колядо был подобран уже после окончания солоновского боя. Он лежал за трупом лошади. У него были перебиты обе ноги и левая рука. В правой он держал браунинг, в котором не осталось ни одного патрона. Кругом валялись мертвые колчаковцы.

Похоронили его с революционными почестями в селе Баеве. А близ Солоновки, у опушки Касмалинского бора, на месте гибели отважного партизана, теперь стоит скромный обелиск...

В 2 часа ночи 16 ноября в Селиверстово, к Захарову, добрался нарочный от Мамонтова. Главком просил патронов и подкреплений.

По приказу Захарова 6-й Кулундинский полк кружным путем, степью, на рассвете 16 ноября прошел в Солоновку и доставил осажденным 30 возов патронов, захваченных в Новичихе и Мельникове!

А 1-й и 7-й полки с рассветом снова двинулись к Солоновке. Этой же ночью из Волчихи подошел 4-й Семипалатинский полк. Он с ходу вступил в бой и начал охватывать левый фланг колчаковцев. А на правый их фланг и тыл навалились 1-й и 7-й полки. Получился слоеный пирог: партизаны обложили колчаковцев и с фронта, и с тыла!..

Об одном событии этой ночи рассказывает партизанский фельдшер В. С. Левыкин¹².

«1919-й год, осень... В ноябре ранние сибирские морозы заковали землю после дождей. Она сделалась твердой, как железо, и была лишь слегка покрыта снегом. Дули пронизывающие ветры. Лазарет в Солоновке был переполнен ранеными. Но еще больше было обмороженных. Жены партизан прямо в окопы носили топленый гусиный жир.

Только что солнце скрылось за горизонтом, небо затянуло тучами. В лазарете стало темно, и санитарка зажгла лампу. Вдруг дверь открылась, и в лазарет зашел Мамонтов. Как всегда, он ве-

Партизаны тоже понесли немалые потери: более 500 раненых, 150 убитых, среди них Федор Колядо, командир батальона 1-го Алтайского полка Ф. М. Стреляев, командир батальона 2-го Славгородского полка С. М. Жариков. Он был смертельно ранен в живот, когда обходил позицию, и умер на руках у партизан. Похоронен Сергей Михайлович Жариков в селе Токареве. На его похороны выезжал Мамонтов...

Очевидцы вспоминают, что поле боя после бегства колчаковцев представляло такую картину, какую им не часто доводилось видеть даже на германском фронте. Больше всего пострадали 7-й полк «Красных Орлов» и 1-й Алтайский полк...

Участник солоновского боя партизан Дубровин сложил такую песню:

Вблизи села Солоновки,
среди Касмалинских боров,
есть место, облитое кровью
героев, лихих молодцов.
Там всюду рвались шрапнели,
гудел и шипел там снаряд,
там облаком пули летали
и сыпались всюду, как град.
Пустились алтайцы в атаку,
не пал еще дух молодцов,
но пал полководец Колядо
и с ним много честных борцов.
И пал наш любимый дружок
Стреляев — отважный герой,
народа защитники пали,
подверглись судьбе роковой...*

Говорят, эту песню очень любил Мамонтов, да и все партизаны, но как она пелась, на какой мотив, мне услышать не удалось.

Победой закончилось и сражение партизан с частями генерала Евтина. 10-й Змеиногорский полк, заняв перешеек меж двух озер у села Лебяжьего, сутки сдерживал противника, наступавшего из Рубцовки, затем, под угрозой обхода с флангов, отошел к Волчихе и здесь сел в оборону. В ряды партизан влилось много местных жителей.

Но колчаковцы, подойдя к Волчихе, не проявили активности. Вероятно, до них докатились слухи о падении Омска, бегстве Верховного правителя на восток, наконец, о победе партизан под Солоновкой. Пришла пора не о бессмысленном наступлении думать, а о том, как спасти свою шкуру. Постреляв немного, они бежали.

* Текст песни взят из воспоминаний Р. П. Захарова, написанных в 1929 году. Он несколько разнится с опубликованным ранее.

Солоновский бой стал самым тяжелым испытанием для партизан. Он потребовал от них наивысшего напряжения всех физических и духовных сил. Здесь в полной мере проявились их массовый героизм, готовность к самопожертвованию ради победы над ненавистным врагом.

Солоновский бой был экзаменом на зрелость для партизанских командиров всех степеней. И они этот экзамен выдержали. С честью выдержал его и партизанский главком Ефим Мамонтов.

Победа под Солоновкой означала полный провал последней попытки колчаковцев одолеть партизан и удержаться в мятежной Алтайской губернии.

В солнечный морозный день 17 ноября на просторную площадь перед штабом прибыли на митинг партизанские полки, участвовавшие в солоновском бою, местные жители. Собрались порадоваться славной победе, помянуть добрым словом доблестно павших...

Жигалин вспоминает, что когда партизаны стали просить Мамонтова сказать речь, тот, смущенный общим вниманием и шумными проявлениями любви, повернулся к нему:

— Выступи, Павлыч, и скажи, что надо...

В бою не робел, а тут, выходит, оробел. Такой уж был человек...